

ИНЖЕНЕР ПАЛЕОЛИТА

Автор: ЕГОР ПОПОВ. ✦

18+

Егор Попов

Инженер палеолита

«Автор»

2026

Попов Е.

Инженер палеолита / Е. Попов — «Автор», 2026

Военный инженер Егор Попов оказался там, где заканчиваются карты и начинается история — в суровом мире палеолита. Вокруг реликтовые леса, по берегам рек бродят мамонты, а в тених скал затаились саблезубые хищники. У него в руках — верный АК-74М, в бауле — остатки снаряжения, а в голове — знания цивилизации, до рождения которой еще десятки тысяч лет. Но пули имеют свойство заканчиваться. Чтобы выжить и защитить куст дикарей, ставших его первой «бригадой», Егору придется воевать не только свинцом, но и физикой. Как остановить стадо мамонтов, имея лишь лопату и знание топографии? Как превратить кучу грязи и сухой травы в неприступную крепость? Как заставить первобытный страх работать на прогресс? Егор не собирается просто выживать. Он пришел сюда, чтобы построить первый в истории город, приручить огонь и воду и доказать: порядок и расчет сильнее клыков и когтей. Добро пожаловать в эпоху, где первый кирпич важнее первого выстрела.

© Попов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Декомпрессия	6
Глава 2: Шепот Реликтового Леса	10
Глава 3: Закон Рычага и Острый Камень	17
Глава 4: Белое золото и ил веков	22
Глава 5: Генеральный план неолита	28
Глава 6: Огонь и Лед	31
Глава 7: Магия чисел и первый эталон	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Егор Попов

Инженер палеолита

Глава 1: Декомпрессия

Первым вернулось осязание. Не было ни вспышки света, ни головокружения, о которых так любят писать в фантастике. Был только резкий, бьющий по легким контраст температур и запахов. Еще секунду назад он находился в сыром бетоне подземного коллектора, оценивая несущие конструкции старого склада боеприпасов перед направленным подрывом. Пахло плесенью, оружейной смазкой и застоявшейся водой.

А теперь его ноздри раздирал запах хвои. Густой, смолистый, почти агрессивный в своей чистоте.

Рефлексы, вбитые годами службы, сработали раньше, чем сознание успело задать вопрос «где я?». Он рухнул на правое колено, автоматически вжимая приклад автомата в плечо. Ствол плавно повел сектор слева направо. Палец лег на спусковую скобу, не касаясь крючка. Глаза сканировали периметр.

Лес. Не просто лесопосадка под Рязанью или тайга, в которой он бывал на учениях. Это был первобытный, пугающе огромный массив. Стволы деревьев, напоминающих сосны, уходили ввысь на тридцать-сорок метров, их кора походила на броню. Под ногами лежал ковер из мха толщиной в ладонь, пружинящий под берцами. И тишина. Не мертвая, а живая, наполненная щебетом незнакомых птиц, шорохом ветра в кронах и гудением насекомых. Ни гула далекой трассы. Ни инверсионных следов самолетов в пронзительно-синем небе над головой.

Он замер, превратившись в статую, контролируя дыхание. Минута. Вторая. Пятая. Никто не стрелял, никто не кричал. Враг не обнаруживал себя.

Медленно выдохнув, он опустил ствол Калашникова, но на предохранитель ставить не стал. Поднялся во весь рост. Рост метр восемьдесят пять, вес девяносто килограммов — сейчас он чувствовал себя песчинкой среди этих реликтовых исполинов.

— Отставить панику, — произнес он вслух, просто чтобы услышать собственный голос. Звук утонул во мхе, не дав даже слабого эха.

Первое правило выживания в нештатной ситуации: оценка ресурсов и инвентаризация. Он методично, как учили, начал проверку.

Рейдовый баул на 60 литров тяжело оттягивал плечи. Он сбросил его на землю, не сводя глаз с подлеска. Щелкнули фастексы. Внутри — стандартная выкладка, которую он собирал сам. Семь армейских ИРП (индивидуальных рационов питания). Это минимум неделя жизни, если не урезать норму, и две, если перейти на жесткую экономию. Tактический нож из стали D2 в ножнах из кайдекса надежно закреплен на разгрузке. Огниво в боковом кармане. Компас.

Он достал компас. Стрелка дрогнула, неохотно качнулась и замерла, указывая направление. Он сверился с положением солнца. Если сейчас середина дня, то солнце должно быть на юге (в северном полушарии). Вроде сходится. Полюса на месте, уже хорошо.

Теперь оружие. Его главный аргумент в любом споре. АК-74М. Надежный, как кувалда. В разгрузке пять снаряженных магазинов по 30 патронов калибра 5.45x39. Плюс один пристегнут. Итого 180 выстрелов. Пистолет Макарова в набедренной кобуре. К нему россыпью и в магазинах ровно 100 патронов 9x18. В подсумках тяжело перекатывались четыре гранаты: две оборонительные Ф-1 и две наступательные РГД-5.

Как военный инженер, он привык мыслить категориями надежности и сроков хранения. Патроны в герметичной укупорке могут храниться десятилетиями, но те, что сейчас в магазинах, подвержены влиянию влажности и перепадов температур. То же касалось и запалов УЗРГМ для гранат. Если этот лес такой же влажный, как кажется, через пару месяцев тротил и гексоген в шашках начнут отсыревать, а порох в патронах может дать осечку. Оружие и боеприпасы нужно держать в идеальной сухости. Это не просто инструмент, это его жизнь. У него

нет роскоши специализированных арсеналов с климат-контролем и вытяжной вентиляцией. Его арсенал теперь — это то, что он унесет на себе.

Он защелкнул баул. И так, дано: неизвестная лесистая местность, полное отсутствие следов цивилизации, запас еды на неделю, ограниченный боекомплект и абсолютное непонимание того, как он здесь оказался.

Найти укрытие. Найти воду. Организовать скрытый наблюдательный пункт и место для отдыха.

Он закинул баул за спину, поправил ремень автомата, проверяя, чтобы ни одна деталь экипировки не звенела при ходьбе, и бесшумно шагнул в тень гигантских папоротников, забирая чуть западнее, туда, где рельеф, судя по уклону, обещал спуск к низине. А где низина — там ручей.

Спуск оказался изматывающим. То, что сверху казалось пологим уклоном, на деле обернулось изломанным рельефом, скрытым под обманчивым ковром растительности. Папоротники здесь достигали груди, их жесткие листья скребли по ткани маскхалата, грозя зацепиться за антабку автомата.

Он двигался медленно, выверяя каждый шаг. Спецназовская привычка ступать с носка на пятку, плавно перенося вес тела, помогала избегать хруста сухих веток, но влажный, податливый мох забирал слишком много энергии. Через полчаса такого марша пот уже ощутимо струился по спине под плотной нагрузкой. Дыхание стало тяжелее. Температура воздуха, по его ощущениям, перевалила за двадцать пять градусов, а влажность была такой, словно он оказался в парнике.

Его мозг, натренированный на строгий технический анализ, продолжал работать в фоновом режиме, сканируя пространство. Оценивая густоту леса, он ловил себя на профессиональной деформации: взгляд автоматически прикидывал пожарную нагрузку массива. Хвоя, толстый слой сухого опада вперемешку с зеленым подлеском, массивные нагромождения старого валежника — идеальные условия для низового пожара, который мгновенно перейдет в верховой. Математическая модель распространения пламени, которую он столько раз просчитывал при проектировании систем безопасности для сложных закрытых объектов, здесь выдала бы катастрофические векторы. Огонь пошел бы сплошной стеной со скоростью курьерского поезда. Эти мысли, состоящие из сухих формул и нормативов, парадоксальным образом успокаивали, цементируя расплывающуюся реальность. Мир вокруг — это физика, химия и геометрия. С этим можно работать.

Звук воды он уловил не ушами, а скорее почувствовал изменение в плотности воздуха. Впереди, сквозь частокол гигантских стволов, блеснула рябь.

Он остановился, опустил на одно колено и замер, вслушиваясь. Водопой — это всегда перекресток. Место концентрации жизни и, соответственно, хищников. Автомат плавно лег в плечо. Большим пальцем правой руки он бесшумно, с нажимом, сдвинул флажок предохранителя на одиночный огонь. Щелчка не последовало — оружие было приработано идеально.

Минута наблюдения. Только монотонное журчание воды и шелест листвы.

Он короткими перебежками, от укрытия к укрытию, приблизился к берегу. Это был не ручей, а скорее небольшая, но быстрая речушка с каменистым дном. Вода была кристально чистой, ледяной на вид. Горло тут же свело от острой жажды. Организм, теряющий влагу под тяжестью брони и экипировки, требовал восполнить баланс.

Но он даже не шелохнулся, чтобы достать флягу.

Пить сырую воду из незнакомого открытого источника — лотерея с высокими ставками. Дизентерия, холера или неизвестные паразиты убьют его вернее и мучительнее, чем пуля. Микробам плевать на его тактические навыки и количество патронов в рожке. Воду нужно кипятить. Обязательно. А для этого нужен огонь и безопасное место для стоянки.

Взгляд скользнул по противоположному берегу, затем по линии воды у своих ног. Здесь каменистое дно переходило в небольшую полосу влажной, вязкой глины.

Он сделал шаг вперед и замер, забыв про жажду.

На глине, всего в метре от кромки воды, отчетливо виднелся след. Глубокий, продавленный огромным весом. Он присел на корточки, не опуская оружия, и внимательно изучил отпечаток.

Это был след кошачьей лапы. Но масштаб ломал все привычные шаблоны. Отпечаток был размером с суповую тарелку, раза в два больше, чем у самого крупного амурского тигра, которого он видел в зоопарке. И самое скверное — в глине четко отпечатались глубокие борозды от выпущенных когтей. Кошачьи не оставляют следов когтей при ходьбе, если только им не нужно зацепиться за грунт для резкого, мощного рывка.

Зверь, оставивший этот след, прыгнул отсюда на другой берег. И судя по отсутствию намытого песка в краях следа, прыгнул он совсем недавно. Может быть, час назад. А может, пять минут.

Военный инженер медленно поднялся. Лес вокруг внезапно перестал казаться просто зеленой зоной. Он стал чужой территорией.

След огромной кошки заставил его сердце сбиться с ритма лишь на мгновение — холодный расчет инженера быстро подавил первобытный страх. Егор Попов медленно отступил от глинистой кромки, стараясь попадать в собственные следы. Оставлять лишние «визитки» местной фауне не входило в его планы.

Он понимал: река — это жизнь, но это и зона смерти. Здесь охотятся те, кто стоит на вершине пищевой цепи этого странного, пахнущего хвоей и сыростью мира. Ему нужно было место, которое обеспечит обзор и исключит нападение со спины. Взгляд зацепился за скалистый выступ метрах в двухстах выше по течению. Небольшой гранитный лоб, поросший цепким кустарником, обрывался прямо к воде. Одна сторона защищена рекой, другая — отвесной стеной камня. Идеальный сектор обстрела и естественная фортификация.

Егор начал подъем, выбирая маршрут по каменистым россыпям, чтобы не приминать траву. Каждый шаг — проверка почвы, каждый вдох — попытка уловить в воздухе запах зверя. Тяжелый баул давил на плечи, но он не ослаблял лямки, готовый в любой момент сбросить груз одним рывком чеки быстрого сброса.

Добравшись до выступа, он первым делом проверил «тыл». Скала была монолитной, без пещер и глубоких трещин, где мог бы затаиться противник. Сверху открывался вид на изгиб реки и ту самую полоску глины со следом. Теперь он был охотником, а не дичью.

Он опустился на сухой пяточок земли, защищенный от ветра нависающим каменным козырьком. Снял автомат с плеча, положив его рядом на чехол от баула — металл не должен соприкасаться с абразивным камнем. Руки привычно потянулись к клапанам рюкзака.

Приоритет №1: Вода и Огонь

Пить хотелось нестерпимо. Егор достал складную кружку и стальную флягу. Кипятить воду в пластике — затея для самоубийц, но у него был «инженерный» подход. Он вытащил из бокового кармана баула небольшой сверток — самодельную горелку на сухом горючем, которую всегда брал в дополнение к штатным вещам. Но разводить открытый огонь здесь, в чаше леса, было рискованно. Дым — это сигнал.

Он вытащил тактический нож. Сталь D2 хищно блеснула в лучах заходящего солнца. Егор начал методично срезать сухие нижние ветки кустарника, растущего в расщелинах. Ему нужна была «индейская ямка» — тип костра, при котором пламя скрыто ниже уровня земли, а дым рассеивается сквозь слой дерна и мелких веток, не поднимаясь столбом.

Выкопав небольшую лунку в супеси ножом и руками, он подготовил растопку. Достал огниво. Несколько резких ударов обухом ножа по стержню, и сноп искр температурой в три тысячи градусов впился в заранее подготовленный пух из сухого мха. Крошечный огонек затре-

петал, окреп, и через минуту в ямке уже весело потрескивали сучья. Над костром он установил импровизированную подставку из двух плоских камней, на которые водрузил стальную кружку с речной водой.

Пока вода закипала, он занялся безопасностью.

Как военный инженер, он знал: лучшая защита — это предупреждение. У него не было сигнальных мин ШМ-1, но был опыт и содержимое баула. Он вытянул из ремкомплекта катушку прочной капроновой нити. Незаметная, серо-зеленого цвета, она была почти невидима в сумерках.

Егор осторожно спустился к единственной тропе, ведущей на его скалу. На высоте десяти сантиметров от земли он натянул нить между двумя тонкими деревцами. В качестве «колокольчика» использовал пустую банку из-под консервов, которую нашел в нижнем отделении баула (осталась от прошлого выхода), положив внутрь пару мелких камешков. Простая механическая система. Если кто-то попытается подойти к нему в темноте, звук камней о жесть даст ему те две секунды, которые необходимы, чтобы палец нажал на спуск АК.

Вернувшись наверх, он снял закипевшую воду. Бросил туда таблетку для обеззараживания из аптечки ИРП — двойная защита не помешает. Пусть остывает.

Теперь, когда первая линия обороны была создана, Егор вскрыл первый ИРП. Пластиковая упаковка поддалась с характерным треском. На ладонь вывалились брикеты галет, паштет из говядины, каша с мясом в ретор-пакете, чай, сахар и заветный шоколад.

Он начал медленно жевать галету, размягчая её во рту. Мозг лихорадочно обрабатывал данные. 180 патронов к автомату — это много для стычки с бандитами, но ничтожно мало для долгой жизни в мире, где тигры размером с медведя. Гранаты Ф-1 — это его «ядерный чемоданчик» на крайний случай. Радиус разлета осколков — 200 метров, применять их в густом лесу опасно для самого метателя. РГД-5 более гуманна к владельцу, но их всего две.

«Семь дней еды, — думал Егор, глядя на догорающие угли в ямке. — Семь дней, чтобы понять, где я, какой сейчас век и как не сдохнуть, когда закончатся патроны».

Его профессиональный взгляд зацепился за структуру камня под ногами. Гранит. Это хорошо. Если здесь есть выход рудных жил, он сможет построить печь. Но для этого нужно топливо и время. Много времени.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и лес мгновенно преобразился. Тени удлинились, превращаясь в причудливых чудовищ. Холод начал пробираться под маскхалат. Егор достал из баула термоодеяло из фольгированной пленки — оно весило граммы, но отражало до 90% тепла тела. Завернувшись в него и прижав автомат к груди, он прислонился спиной к скале.

Первая ночь в каменном веке началась не с героических свершений, а с тихого шороха капроновой нити, натянутой вниз, и тяжелого осознания: он здесь абсолютно один.

Глава 2: Шепот Реликтового Леса

Ночь сейчас — это не та уютная темнота, к которой привыкли жители городов, подсвеченных неонами и уличными фонарями. Это густая, почти осязаемая субстанция, которая давит на глазные яблоки, заставляя зрачки расширяться до предела в тщетной попытке уловить хотя бы один фотон света.

Егор сидел неподвижно, прислонившись спиной к гранитной стене. Холод камня медленно просачивался сквозь слои одежды, несмотря на термомобель. Как специалист, не раз рассчитывавший тепловые потери зданий и работавший с тепловизионными моделями, он понимал: камень — это гигантский радиатор, который сейчас неумолимо забирал тепло его тела. Термоодеяло из фольгированной пленки, в которое он завернулся, работало исправно, отражая инфракрасное излучение обратно, но против физики теплопроводности при прямом контакте оно было бессильно. Пришлось подложить под задницу пустой чехол от спальника и часть баула.

Лес, который днем казался просто густым, ночью обрел голос. И этот голос был пугающим. Где-то далеко, за рекой, раздался трубный рев, от которого завибрировал воздух. Это не было похоже на слона или любое знакомое животное. Звук был низким, инфразвуковым, вызывающим первобытный трепет где-то в районе солнечного сплетения. Егор крепче сжал цевье АК-74М. Палец лежал вдоль ствольной коробки — старая привычка, предотвращающая случайный выстрел от испуга, но позволяющая открыть огонь за доли секунды.

— Спокойно, Попов. Просто фауна. Просто биологические объекты, — прошептал он пересохшими губами.

Его мозг начал лихорадочно выстраивать систему приоритетов на завтра. Если он здесь застрял — а надежда на «глюк» или «учения» таяла с каждой минутой — ему нужно фундаментальное решение вопроса безопасности. Одиночка в лесу — это труп. Ему нужно либо найти людей, либо превратить эту скалу в неприступный форт. Но для форта нужны инструменты.

Внезапно снизу, оттуда, где он натянул капроновую нить с банкой, донесся едва слышный звук.

Дзынь.

Замерзшие мышцы мгновенно превратились в натянутые струны. Егор плавно, без единого лишнего движения, поднял автомат. Приклад привычно уперся в плечо. Он не стал включать фонарь — это выдало бы его позицию. Вместо этого он прильнул к прицелу, ловя в слабом свете заходящей луны силуэты кустов.

Внизу кто-то был. Слышалось тяжелое, прерывистое дыхание и шорох раздвигаемой растительности. Зверь был крупным. Судя по звуку, он наткнулся на растяжку, замер на мгновение, а теперь пытался понять, что это было.

Егор медленно выдохнул, наполовину опустошая легкие. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица. «Только не пали сразу, — приказал он себе. — Патроны — это невозполнимый ресурс. В этом мире нет завода в Ижевске, который пришлет еще цинк 5.45».

Существо сделало шаг вперед. В слабом лунном свете, пробивающемся сквозь кроны, Егор увидел очертания головы. Это не был тигр. Слишком массивная морда, короткие уши и странная, горбатая холка. Гиена? Пещерная гиена? Те, если верить палеонтологам, были размером с хорошего волкодава и обладали челюстями, способными дробить бедренные кости мамонтов.

Зверь поднял голову, принюхиваясь. Запах человека, запах синтетики и оружейного масла был для него абсолютно чужд. Это и спасло Егора. Незнание пугает хищников не меньше, чем людей. Гиена издала короткий, хриплый «хохот» — звук, от которого по коже

Егора пробежали крупные мурашки — и, развернувшись, бесшумно скрылась в зарослях папоротника.

Егор не опускал автомат еще минут десять. Руки начали неметь от статического напряжения, но он заставил себя ждать. Только когда ночной лес снова заполнился привычным стрекотом насекомых, он позволил себе глубокий вдох.

«Добро пожаловать в пищевую цепочку, Егор свет-Николаевич. И ты в ней пока не на вершине», — горько подумал он.

Остаток ночи прошел в полузабытьи. Сон был рваным, состоящим из вспышек прошлых воспоминаний: защита диплома, чертежи систем автоматического пожаротушения (АУПТ), лица коллег, боевые действия... И всё это перекрывалось образом той самой гигантской кошачьей лапы на глине.

Рассвет наступил внезапно. Лес окрасился в холодные серо-голубые тона, а над рекой поднялся густой, как молоко, туман. Егор заставил себя подняться, несмотря на ломоту в суставах. Тело требовало движения и тепла.

Первым делом — гигиена и проверка снаряжения. Он не мог позволить себе расслабиться. Грязные руки — это инфекция, инфекция в этих условиях — смерть. Он использовал остатки остывшей кипяченой воды, чтобы умыться. Затем методично проверил автомат: отвел затвор, заглянул в патронник, проверил чистоту дульного среза. Каждая песчинка в механизме сейчас была его врагом.

Достав из баула плитку сухого горючего и вторую галету, Егор приступил к завтраку. Жевать сухую корку было трудно, но он знал — калории сейчас важнее вкуса. Мозг инженера уже рисовал план на день.

— Итак, — рассуждал он, аккуратно складывая обертку от рациона обратно в баул (мусорить нельзя — по следу могут найти хищники или, что хуже, враждебные люди), — вода есть, позиция на одну ночь приемлемая. Но сидеть на месте нельзя. Мне нужно понять масштаб катастрофы. Если я в прошлом, то где-то должны быть стоянки людей. Кроманьонцы, неандертальцы... кто угодно. Человек — существо социальное, в одиночку я здесь не протяну больше месяца. Мой боекомплект — это сто восемьдесят аргументов в споре, но они закончатся. А вот голова должна работать на перспективу.

Он разложил на камне карту, которую набросал вчера вечером по памяти. Прямая линия реки, его скала, примерное направление на север. Компас показывал стабильно.

— Нужно провести разведку вверх по течению, — решил Егор. — Река — это транспортная артерия. Все живое жмет к воде. Если здесь есть люди, они будут либо у бродов, либо в пещерах у берега.

Он начал собираться. Каждый предмет в бауле нашел свое место. Тяжелые вещи — ближе к спине, чтобы центр тяжести не болтался. Магазины в разгрузке проверены на ощупь. ПМ в кобуре — застегнут. Нож на поясе — под правую руку.

Перед тем как покинуть свою первую стоянку, Егор сделал то, что диктовал ему профессиональный опыт инженера по пожарной безопасности. Он тщательно залил угли в индейской ямке водой, засыпал их землей и восстановил слой дерна. Никакого дыма, никакого запаха гари. В этом лесу огонь был его союзником, но оставленный без присмотра или обнаруженный врагом, он превращался в предателя.

Спустившись со скалы, он первым делом подошел к своей «растяжке». Консервная банка лежала на боку, нить была оборвана. Рядом, на мягкой почве, виднелись те самые следы. Глубокие, четырехпалые, с мощными когтями. Зверь весил не меньше восьмидесяти килограммов.

— Понял тебя, — прошептал Егор, глядя в сторону, куда ушел хищник. — В следующий раз я буду готов лучше.

Он поправил ляжки баула и, держа автомат в положении «к бою», двинулся вдоль берега, стараясь держаться в тени деревьев. Его путь вглубь каменного века только начинался, и первая цель была предельно ясна: найти следы себе подобных. Или хотя бы место, где можно будет развести большой костер, который не просто согреет, а станет первым шагом к восстановлению цивилизации в отдельно взятом лесу.

Движение было медленным. Каждые сто метров он замирал на тридцать секунд, превращаясь в слух. Егор знал: в этом лесу побеждает не тот, кто быстрее бежит, а тот, кто первым увидит противника. А его «инженерное зрение» уже подмечало детали: здесь выходы кремня, там — дикая конопля, из которой можно делать веревки, а вон там, у обрыва, виднеются пласты жирной синей глины. Ресурсы. Мир вокруг был полон ресурсов, нужно было только дожить до того момента, когда он сможет ими воспользоваться.

Впереди, за очередным поворотом реки, послышался шум. Это не было журчание воды или крик птицы. Это был ритмичный, глухой звук. Удар камня о камень.

Егор замер, сердце пропустило удар. Люди.

Звук удара камня о камень был сухим, ритмичным и пугающе осознанным. Это не был случайный грохот осыпавшейся породы или треск ломающегося дерева. Это была технология. Примитивная, первобытная, но требующая участия разумного существа.

Егор замер, мгновенно уйдя в «нижний уровень». Колени мягко коснулись влажного мха, левая рука прижала цевье автомата к груди, правая — контролировала рукоять. Он не просто остановился, он слился с ландшафтом, используя ствол массивной сосны как естественный экран.

— Дистанция — метров пятьдесят. Направление — одиннадцать часов, — зафиксировал мозг сухую сводку.

Как военный, Егор привык анализировать пространство не как «красивый лес», а как совокупность секторов обстрела, зон скрытого передвижения и источников демаскирующих признаков. Дым. Он принялся. Тонкая струйка сизого дыма едва заметно поднималась над густыми зарослями орешника впереди. Пахло не просто горелым деревом, а чем-то специфическим — паленой шерстью и сырым мясом.

Он начал движение. Это был не «спецназовский пережат», а медленное, мучительное просачивание сквозь подлесок. Каждый шаг — проверка почвы на предмет сухих веток. Каждое движение ветки — плавное, чтобы не вызвать неестественного колыхания листьев.

Через десять минут, стоивших ему литра пота, он добрался до поваленного реликтового дуба. Его ствол, покрытый лишайником и грибами-трутовиками, служил идеальным бруствером. Егор осторожно выглянул из-за корней.

На небольшой поляне, защищенной от ветра крутым берегом реки, располагалась стоянка. Громко сказано — «стоянка». Это был временный лагерь. Трое.

Первое, что бросилось ему в глаза — их физическое состояние. Это не были те атлетичные, загорелые «благородные дикари», которых рисуют в комиксах. Люди на поляне выглядели коренастыми, с неестественно мощными плечами и короткими ногами. Их кожа была покрыта слоями грязи, старых шрамов и копоты. Одежда — грубо обработанные шкуры, закрепленные на теле жилами или кожаными шнурами.

Один из них, самый крупный, сидел на корточках у плоского валуна. Именно он был источником звука. В его руках был массивный кусок кремня, от которого он методичными ударами отбивал тонкие чешуйки. Егор отметил точность движений — дикарь не просто бил, он знал «точку приложения силы» и «угол скола». Сопромат в его самом базовом, доисторическом проявлении. Камень колотся именно так, как нужно было мастеру, формируя острое режущее ребро.

Второй дикарь возился у костра. Костер был устроен бестолково с точки зрения теплотехники — просто куча веток, дающая больше дыма, чем жара. Над пламенем на вертеле из

обожженного сука висела туша какого-то некрупного зверя, похожего на оленя, но с короткими, массивными рогами.

Третий — судя по всему, женщина — сидела чуть поодаль, методично соскребая остатки мездры с другой шкуры костяным скребком.

Егор наблюдал за ними через прицел, установив кратность на минимум. Оптике не было, только стандартная прицельная планка, но даже так он видел детали: гнилые зубы, воспаленные глаза, вечное напряжение в позах. Они не жили здесь — они выживали. Каждая секунда их существования была борьбой с энтропией этого мира.

«Их технология — каменный век. Палеолит, судя по отсутствию керамики и шлифованных топоров, — анализировал Егор. — Социальная структура — первичная группа. Агрессивность — потенциально максимальная».

Он почувствовал, как затекла спина. Нужно было принимать решение. Контакт сейчас — это риск. Пятеро магазинов к АК — это много, но против десяти-пятнадцати таких охотников в густом лесу... пули закончатся быстрее, чем они испугаются. У них нет страха перед огнестрельным оружием, потому что они не знают, что это такое. Для них громкий хлопок и смерть соплеменника будут магией, а против магии у них один ответ — убить колдуна.

Внезапно ситуация изменилась. Крупный дикарь с кремнем замер. Он не обернулся, не вскрикнул. Он просто перестал бить. Его ноздри расширились, втягивая воздух.

— Почуял? — Егор медленно опустил голову ниже. — Не может быть. Ветер от них на меня.

Но дикарь смотрел не в сторону Егора. Он смотрел в сторону густых зарослей папоротника на противоположном краю поляны. Он что-то прорычал — низкий, гортанный звук, лишенный гласных. Женщина мгновенно бросила шкуру и схватила длинное, обожженное на конце копьё. Тот, что был у костра, выхватил из-за пояса тяжелую дубину, утыканную острыми осколками камня.

Из папоротника, бесшумно и плавно, вышла тень.

Это была та самая кошка. Смилодон. Саблезубый тигр, хотя термин «тигр» к этому чудовищу подходил мало. Короткий хвост, мощнейшие передние лапы, по размеру сопоставимые с бедрами взрослого мужчины, и клыки — два желтоватых кинжала, выступающие из верхней челюсти почти на двадцать сантиметров.

Зверь не рычал. Он просто шел, уверенный в своем праве на добычу. И этой добычей был не олень на вертеле. Это были люди.

Дикари сбились в кучу, выставив вперед копыя. Их движения были слаженными, натренированными сотнями подобных встреч. Но Егор, глядя на это через призму военного опыта, видел обреченность. Длина копий была недостаточной, чтобы остановить такую массу мышц и ярости. Кошка просто перемахнет через них, сломав строй одним ударом лапы.

«Инженерная задача, — мелькнуло в голове Егора. — Масса объекта — около 300-350 кг. Скорость рывка — до 50 км/ч. Кинетическая энергия... копыя не удержат».

Его палец лег на спусковой крючок. Мозг лихорадочно просчитывал варианты.

Позволить природе взять свое. Племя погибнет, он останется один. Но он потеряет шанс на контакт. Вмешаться. Выдать себя. Потратить патроны. Стать для них либо богом, либо главной целью.

Кошка припала к земле, готовясь к прыжку. Её мышцы под шкурой перекачивались, как живая сталь. Дикари закричали — это был крик отчаяния, попытка напугать хищника звуком.

Егор, военный инженер с баулом еды на неделю и автоматом Калашникова, выбрал второй вариант.

Он не стал вставать в полный рост. Он плотнее прижал приклад к плечу, поймал в прорезь прицела лопатку зверя — чуть выше и левее сердца, чтобы пуля, разрушив сустав, ушла в грудную клетку.

— Ну, Прометей, приехали, — прошептал он.

Палец плавно нажал на спуск.

Короткая очередь. Три выстрела. *Ta-ta-tax!*

Звук в тишине первобытного леса ударил, как гром. Резкий, сухой, механический.

Пули калибра 5.45 со скоростью 900 метров в секунду преодолели дистанцию за доли мгновения. Зверь, уже начавший фазу прыжка, буквально в изготовке для прыжка получил удар колоссальной энергии. Его отбросило в сторону.

Дикари онемели. Их крик оборвался на полуслове. Они смотрели на то, как великий хищник, ужас их лесов, падает в пыль, а из его бока вылетают фонтанчики крови и костяного крошева.

Егор не опускал автомат. Он ждал. Самое опасное в лесу — это не хищник. Самое опасное — это тишина после выстрела.

Звук выстрелов еще вибрировал в воздухе, отражаясь от кромки леса и зеркальной глади реки, когда саблезубая кошка с глухим, костным стуком рухнула на землю. Инерция прыжка протащила её массивную тушу по влажной траве еще метра на полтора, взрывая дерн мощными когтями, которые теперь судорожно скребли пустоту.

Егор не шевелился. Он продолжал держать зверя на мушке, чувствуя, как приклад привычно подталкивает плечо при каждом ударе сердца. В нос ударил резкий, кислый запах сгоревшего пороха — кордитный дух цивилизации, который в этом стерильном мире казался чем-то противоестественным, почти ядовитым.

Пули калибра 5.45 сделали свою работу. Первая раздробила плечевой сустав, выключив «привод» передней лапы, вторая и третья вошли в грудную клетку под углом, превращая легкие в кровавое месиво. Зверь еще был жив — его легкие, пробитые высокоскоростным свинцом, издавали свистящий, хлюпающий звук, а из пасти вместе с рыком вылетала розовая пена.

На поляне воцарилась мертвая, противоестественная тишина.

Дикари не бросились бежать. Они не упали ниц. Они просто застыли в тех позах, в которых их застал «гром». Женщина так и стояла с занесенным копьём, её пальцы побелели от напряжения, а глаза, расширенные до предела, были прикованы не к умирающему хищнику, а к кустам, откуда пришла смерть. Для них это не был выстрел. Это был разрыв самой реальности. В их мире ничто не могло убить Великую Кошку на расстоянии, мгновенно и с таким грохотом.

Егор понимал: сейчас наступил критический момент. Психология первобытного человека — это сплав жесткого прагматизма и абсолютного суеверия. Если он выйдет сейчас неправильно, он станет либо демоном, которого нужно забросать камнями из страха, либо дичью.

Он медленно, подчеркнуто плавно, поднялся из-за поваленного дуба.

Его фигура в камуфляже «мультикам», с лицом, испачканным зеленоватым гримом, и в темных тактических очках, выглядела для них как пришелец из иного измерения. Ткань костюма не была похожа на шкуру, баул за спиной менял силуэт, делая его похожим на горбатого духа, а матовый металл автомата в руках не блестел, как камень, а поглощал свет.

Егор сделал шаг на поляну. Ботинки «Lowa» хрустнули по сухой ветке.

Мужчина с кремнем в руках вздрогнул. Его гортанный вскрик заставил остальных немного прийти в себя. Он не бросил свой камень — он перехватил его крепче, пригнувшись к земле. В его глазах читалась не покорность, а та самая ярость загнанного в угол существа, которое готово прыгнуть на солнце, если оно попытается его обжечь.

— Тихе, тихе... — Егор говорил низким, спокойным голосом. Слова не имели значения, важна была интонация. — Свои. Друг.

Он намеренно опустил ствол автомата чуть вниз, уводя его с линии огня, но при этом оставляя возможность вскинуть оружие за доли секунды. Он шел не к ним, а к бьющейся в

агонии кошке. Это был тактический ход: показать, что он — охотник, добывший этого зверя, и это его право по закону леса.

Подойдя к смилодону на пять метров, Егор увидел, как зверь затих. Последний судорожный выдох, и огромная голова с янтарными, медленно тускнеющими глазами упала на мох.

Егор остановился и посмотрел на дикарей. Теперь он видел их вблизи. Запах... Боже, этот запах. От них разило старым жиром, гнилыми зубами, невымытым телом и гарью. Но в то же время от них исходила такая мощная волна первобытной жизненной силы, что Егор почувствовал себя рядом с ними хрупким и стерильным.

Тот, что был у костра, самый молодой, внезапно сделал движение — он коротко замахнулся дубиной.

Егор не вскинул автомат. Он просто замер и жестко, прямо посмотрел парню в глаза сквозь линзы очков. В этом взгляде не было страха, только холодная уверенность человека, у которого в руках сосредоточена мощь сотен джоулей кинетической энергии.

Старший — тот, что колот кремь — что-то резко выкрикнул, останавливая молодого. Он был мудрее. Он видел, как погибла кошка. Он видел «дыры» в шкуре зверя, из которых сочилась кровь, хотя к нему никто не прикасался.

Старик (хотя ему вряд ли было больше тридцати пяти, просто жизнь в палеолите превращала людей в развалины быстро) сделал шаг вперед. Он протянул пустую ладонь ладонью вверх — древний, как сам вид Ното, жест отсутствия оружия.

— Кхх-арр... — произнес он, указывая на мертвого зверя, а затем на Егора. — Кхх-арр-ту?

Егор не знал этого языка, но логика подсказала: он спрашивает, кто это сделал или чья это добыча.

— Моя, — Егор ударил себя ладонью в грудь, а затем указал на них. — Ваша. Ешьте.

Он понимал, что туша смилодона весом в три сотни килограммов ему не нужна. Он не сможет её обработать, не сможет унести. Но для них это были горы мяса, бесценный мех и кость. Это был дар, который покупает лояльность лучше любых слов.

Он медленно потянулся к поясу. Дикари напряглись, женщина снова вскинула копье. Егор замер, показывая пустую руку, а затем двумя пальцами вытащил тактический нож. Щелкнул кайдекс ножен.

Он подошел к туше кошки, присел на корточки — спиной к дереву, но боком к ним, чтобы контролировать периметр — и одним точным, глубоким движением вспорол шкуру на горле зверя. Сталь D2 вошла в плоть как в масло. Дикари издали коллективный вздох. Для них, привыкших часами бить камнем по жилам, такая острота была за гранью понимания. Это был «волшебный клык».

Егор отрезал длинную полосу шкуры вместе с мясом, поднялся и, не приближаясь, бросил её к ногам старика.

— Еда. Мясо.

Затем он сделал три шага назад, возвращаясь в тень деревьев. Он не собирался садиться с ними к костру — пока что. Дистанция — его единственный союзник.

Старик долго смотрел на окровавленный кусок мяса, затем на Егора, затем на своих спутников. Его лицо дернулось в подобии улыбки или гримасы облегчения. Он опустился на колени, подхватил мясо и, не глядя на него, начал жадно рвать его зубами, даже не донеся до огня. Это был сигнал. Женщина и молодой охотник бросились к туше кошки, забыв о страхе перед «человеком в зеленом».

Егор наблюдал за этим пиршеством с холодным любопытством исследователя. Он видел, как они используют свои примитивные скребки, как ломают ногти, пытаясь отодрать куски жира. Его «инженерный» взгляд уже прикидывал: если он научит их хотя бы элементарной

заточке или покажет, как сделать рычаг для свежевания, их производительность вырастет в разы.

Но он также понимал и другое. Его баул, его нож, его автомат — всё это сейчас было для них объектами высшего порядка. Если он заснет рядом с ними, велика вероятность, что старик решит проверить, насколько остро его собственное копьё, чтобы завладеть «магией».

«Первое правило контакта, — думал Егор, доставая из кармана индивидуальный пакет для дезинфекции и протирая руки от брызг кошачьей крови. — Сохраняй технологический отрыв. Никогда не показывай предел своих возможностей. И никогда не поворачивайся спиной».

Он отошел еще дальше в лес, нашел позицию, с которой просматривалась поляна, и сел, положив автомат на колени. Предстоял долгий вечер. Ему нужно было решить, стоит ли связывать свою судьбу с этой группой, или лучше остаться «лесным призраком».

В это время на поляне дикари, наевшись сырого мяса, начали поглядывать в его сторону. В их глазах страх медленно сменялся чем-то другим. Любопытством? Или осознанием того, что этот странный «дух» принес им самую большую удачу в их жизни?

Над лесом спускались сумерки. Воздух становился холоднее, и Егор чувствовал, как внутри него растёт странное чувство — смесь профессионального азарта инженера, получившего в распоряжение целую планету как чистый лист, и тоски человека, который понимает, что его прошлая жизнь осталась за горизонтом в десятки тысяч лет.

— Глава вторая, Егор, — прошептал он сам себе. — Урок первый: мясо — это валюта. Посмотрим, каков будет курс обмена завтра утром.

Глава 3: Закон Рычага и Острый Камень

Ночь после первого контакта прошла в режиме «боевого дежурства». Егор не позволил себе полноценного сна. Он выбрал позицию в тридцати метрах от лагеря дикарей, на небольшом возвышении, где корни старого кедра образовали нечто вроде естественного кресла. Его маскхалат сливался с тенями, а тепловизионных приборов у местных жителей не было — это давало ему преимущество «невидимого бога».

Он наблюдал, как они ели. Это было зрелище, лишённое всякой эстетики, но полное глубокого смысла. Они не просто утоляли голод — они заправлялись топливом, которое завтра позволит им пробежать десятки километров или отбиться от другого хищника. Старик, которого Егор условно назвал «Седым», делил мясо с какой-то расчетливой справедливостью. Он отдавал лучшие куски молодому охотнику («Крепкому»), понимая, что тот — их главная ударная сила. Женщина («Тень») получала меньше, но именно она занималась самой кропотливой работой — отделяла сухожилия, которые в этом мире заменяли стальной трос и капроновую нить.

Когда небо на востоке начало приобретать оттенок разбавленных чернил, Егор приступил к своему утреннему ритуалу.

Для военного инженера дисциплина — это не только устав, это способ поддержания психики в норме. Он достал из баула складную зубную щетку и тюбик пасты. Минимум воды. Ощущение мятной свежести во рту среди этого первобытного смрада было почти эйфорическим. Затем — проверка оружия. Он отстегнул магазин АК, выщелкнул верхний патрон, проверил пружину. Сухо. Чисто. Зеркало затвора без нагара — вчерашние три выстрела не успели засорить механизм, но влажность леса требовала регулярной смазки. Он капнул буквально малую долю нейтрального масла на направляющие. Щелчок затвора прозвучал в утренней тишине как затвор заправской мышеловки.

На поляне зашевелились.

Егор поднялся, разминая затекшие ноги. Суставы отозвались сухим хрустом. «Нужно больше кальция и горячей еды, — отметил он про себя. — На ИРП долго не протянешь, почки скажут "прощай" от такого количества консервантов и соли».

Он вышел на поляну в тот момент, когда Седой пытался соскрести остатки мяса с кости кошки своим каменным рубилом. Инструмент был тупым. Кремень при всей его твердости — хрупкий материал, и режущая кромка после вчерашнего свежевания превратилась в пилу с выкрошенными зубьями.

Егор подошел на дистанцию пяти метров. Дикари мгновенно замерли. В их глазах уже не было той убийственной ярости, только опасливое почтение, смешанное с ожиданием.

— Привет, инженеры прошлого, — негромко сказал Егор.

Он снял баул, положил его на землю, не сводя глаз с Крепкого, который инстинктивно сжал рукоять своей дубины. Егор медленно вытащил нож. В лучах восходящего солнца сталь D2 с сатиновым финишем выглядела как застывший свет.

Он подошел к Седому и протянул руку за его каменным инструментом. Старик вздрогнул, но нож в руке Егора — опущенный острием вниз — не выглядел угрожающе. Седой отдал рубило.

Егор взял кусок кремня. Тяжелый, холодный, пахнущий сырой землей и кровью. Для него, человека, привыкшего к спецификациям ГОСТ и допускам в микроны, этот «инструмент» был насмешкой над логикой. Но это был фундамент цивилизации.

Он сел на валун, показывая дикарям, что не собирается нападать. Те обступили его полукольцом на почтительном расстоянии.

Егор достал из ремкомплекта алмазный надфиль и небольшой брусок для правки ножей. Разумеется, затачивать кремь алмазом — это варварство по отношению к инструменту, но ему нужно было показать результат. Быстро и наглядно.

Он начал работать. Звук стачиваемого камня — противный, скрипучий — заставил Тень поморщиться. Егор методично выравнивал скол, создавая правильный угол заточки. Он не просто тер камень, он формировал режущую кромку, используя свои знания о геометрии резцов.

Через десять минут он протянул рубило обратно.

— На, попробуй.

Седой взял камень с явным недоверием. Он провел пальцем по кромке и тут же отдернул руку — из пореза выступила густая красная капля. Глаза старика округлились. Он посмотрел на Егора так, будто тот только что вдохнул жизнь в кусок гранита.

Седой подошел к туше кошки и одним легким движением отсек кусок сухожилия, над которым до этого бился полчаса.

— Кхх-апп! — выдохнул он, и в этом звуке было столько восторга, сколько бывает у ребенка, получившего на Новый год долгожданную игрушку.

Это был первый урок. Технологический экспорт в чистом виде.

«Шаг второй, — подумал Егор, поднимаясь. — Нам нужно уходить отсюда. Это место демаскировано запахом крови. Сюда придут все падальщики в радиусе десяти километров».

Он начал жестами показывать направление — к той самой скале, которую он приметил вчера. Он указывал на тушу кошки, на баул и на скалистый выступ.

— Мы. Идем. Туда. — Он четко разделял слова, сопровождая их указующими жестами. — Там — дом. Там — защита.

Крепкий нахмурился. Он указал в сторону леса, откуда они пришли, и издал серию сложных щелкающих звуков. Егор понял: там их основное племя или стоянка. Но возвращаться туда сейчас — значит идти в неизвестность. Он не знал, сколько их там, как они встретят чужака. Ему нужно было «свое» место, где правила будет устанавливать он.

Егор покачал головой. Он подошел к Крепкому, который был почти одного с ним роста, но гораздо шире в кости. Инженер взял парня за плечо — тот вздрогнул, мышцы под кожей напряглись, как стальные тросы.

Егор указал на автомат, висящий на груди, затем на скалу.

— Там я смогу вас защитить. Здесь — нет.

Он поднял с земли тяжелую берцовую кость смилодона и, используя её как рычаг, приподнял край массивного бревна, лежащего рядом.

— Рычаг, парень. Архимед говорил: дайте мне точку опоры, и я переверну землю. Я дам вам точку опоры.

Дикари переглянулись. Седой что-то коротко приказал. Женщина начала быстро собирать остатки мяса в мешок из шкуры. Крепкий, все еще недоверчиво поглядывая на Егора, взвалил на плечи переднюю лапу кошки — ценный трофей и запас жира.

Они начали движение.

Переход к скальному выступу занял больше времени, чем рассчитывал Егор. Группа из трех дикарей двигалась по лесу с грацией теней, несмотря на тяжелую ношу — куски мяса и шкуру смилодона. Егор шел замыкающим, держа сектор обстрела на сто восемьдесят градусов позади группы. Он чувствовал, как пот заливает глаза под тактическими очками, а спина под шестидесятилитровым баулом превращается в одну сплошную ноющую мышцу.

— Дистанция — триста метров. Темп — три километра в час. Энергозатраты — запредельные, — фиксировал он в уме сухие цифры.

Как инженер, он привык оценивать КПД любого процесса. Сейчас КПД их движения был низок из-за необходимости постоянно петлять, обходя завалы из реликтовых деревьев, кото-

рые в этом времени никто не расчищал десятилетиями. Под ногами хрустела многовековая подстилка, скрывающая коварные пустоты. Пару раз Крепкий проваливался по колено в гнилую древесину, и Егору приходилось замирать, вскидывая автомат, пока дикарь выбирался, яростно шипя от боли.

Наконец, они достигли гранитной гряды.

Сверху выступ казался Егору идеальным, но теперь, глядя на него снизу, с точки зрения оборонительной фортификации, он видел уязвимости. Угол подъема составлял около тридцати градусов — достаточно круто для человека в берцах, но для кошачьего хищника это была всего лишь легкая разминка. С левого фланга скалу подпирали густой малинник, создающий «слепую зону».

— Первое, что сделаем — расчистка секторов, — прошептал Егор, когда они поднялись на плато.

Дикари свалили добычу в центре площадки, под нависающим каменным козырьком. Седой тяжело дышал, его грудная клетка ходила ходуном. Несмотря на свою жилистость, он был истощен годами недоедания и хронических воспалений, которые Егор диагностировал по характерному сероватому цвету лица и кашлю.

Егор не стал отдыхать. Он сбросил баул и достал из бокового кармана малую пехотную лопатку — еще один бесценный инструмент из его арсенала. Сталь 65Г, заточенная до состояния бритвы по двум кантам.

— Смотрите, — обратился он к дикарям, привлекая их внимание.

Он подошел к краю площадки, где из трещин в граните пробивались молодые деревца. Одним резким, рубящим ударом лопатки он перерубил ствол толщиной в три пальца. Дикари замерли. В их мире дерево такой толщины нужно было либо долго ломать, либо жечь, либо обдирать каменными рубилами. Егор же сделал это за долю секунды.

Он начал методично вырубать кустарник, расширяя обзор. Через пятнадцать минут площадка была очищена. Теперь любой, кто попытался бы подняться по склону, оказывался на виду.

— Крепкий, — Егор указал на поваленные ветки. — Сюда. Вали в кучу.

Парень понял. Он начал таскать срубленный кустарник к краю обрыва, формируя нечто вроде примитивного бруствера. Егор помогал ему, показывая, как переплестать ветви, чтобы создать завал, через который трудно продаться бесшумно.

Баул Егора был полон высокотехнологичных вещей, но самой большой ценностью сейчас была пустая пластиковая бутылка и стальная кружка. Воды в реке было много, но носить её наверх в пригоршнях — абсурд.

Егор подошел к Тени. Женщина сидела у костра, пытаясь раздуть искры в куче сухого мха. Он достал из баула небольшой моток армированного скотча — «серебристого спасения» любого технаря. Отрезав кусок, он приклеил его к плоскому камню.

— Адгезия, — произнес он, просто чтобы зафиксировать звук. — Держится.

Он показал Тени, как использовать широкие листья лопуховидного растения, растущего внизу, скрепляя их скотчем, чтобы создать подобие ведра. Это была временная мера, но она работала. Женщина смотрела на липкую ленту как на божественное откровение. Для неё возможность «склеить» две поверхности без использования жил или смолы была чистой магией.

Но главной задачей была фильтрация. Речная вода, даже кипяченая, несла в себе взвесь ила и микрочастицы органики.

Егор занялся созданием фильтра. Он взял одну из пустых консервных банок (от первого ужина), пробил в дне десяток отверстий острием ножа. Сложил слоями: на дно — чистую ткань от запасной футболки, затем слой мелкой речной гальки, слой песка, который он принес в карманах маскхалата, и, самое главное — слой измельченного древесного угля из вчерашнего костра.

— Простейший адсорбционный фильтр, — пояснил он дикарям, которые теперь бросили все дела и наблюдали за процессом. — Уголь заберет токсины, песок — мусор. Физика, седьмой класс.

Когда первая порция мутной речной воды прошла сквозь банку и вытекла в кружку прозрачной, почти хрустальной струей, Седой издал звук, похожий на стон. Он протянул дрожащую руку, Егор позволил ему отхлебнуть. Старик закрыл глаза. Видимо, за всю свою жизнь он не пил воды, которая не отдавала бы тиной или гнилью.

К середине дня Егор заметил перемену в поведении группы. Крепкий перестал сжимать дубину при каждом его движении. Тень начала подкладывать в костер лучшие ветки, стараясь, чтобы дым не шел в сторону «Человека-в-Зеленом».

Но Егор понимал — это ловушка. Как только они привыкнут к его «чудесам», они перестанут бояться. А когда исчезнет страх, появится желание обладать. Его автомат, нож, баул — всё это было слишком соблазнительно.

— Нужно занять их работой, — решил инженер. — Труд сделал из обезьяны человека, а в моем случае — труд сделает из них дисциплинированную рабочую силу.

Он подошел к Седому и указал на тушу смилодона.

— Нам нужна соль. Соль. — Егор имитировал посыпание мяса чем-то мелким. — Где?

Старик нахмурился. Он не понимал слова, но понял жест. Он указал на север, за грядой холмов, и сделал движение, будто скребет землю.

— Солончаки? Выходы соли? — Егор кивнул. Это было критически важно. Без соли мясо быстро сгниет, а организмы дикарей (и его собственный) начнут страдать от электролитного дисбаланса.

Но прежде чем идти за солью, нужно было решить проблему очага. Тот костер, что они развели, пожирал слишком много дров и давал слишком много демаскирующего света.

Егор приступил к строительству «печи инженера». Он использовал плоские гранитные плитки, которые в изобилии валялись под обрывом. Он выкладывал их буквой «П», используя влажную глину от реки в качестве раствора.

— Смотрите, тепловая инерция, — объяснял он, укладывая камни. — Стенки нагреваются, аккумулируют энергию и отдают её долго после того, как дрова прогорят. А сверху мы поставим плоский камень — будет плита. Конвекция пойдет вверх, дымоход сделаем из коры и глины.

Дикари помогали. Крепкий таскал тяжелые камни, Тень месила глину ногами. Это был первый в истории этой планеты строительный проект, где прорабом выступал военный инженер с АК на плече.

К вечеру на скале стояло нечто, напоминающее примитивный тандыр. Егор развел внутри небольшой огонь. Тяга была отличной — дым уходил в узкое отверстие, не расплываясь по площадке. Эффективность сгорания топлива выросла втрое.

Когда солнце начало клониться к закату, Егор сел на край бруствера. Он достал свой блокнот — небольшую книжицу в водонепроницаемой обложке — и начал записывать первые наблюдения.

«День второй (условно). Контакт стабилен. Уровень развития группы — ранний палеолит. Из инструментов: рубила, скребла, копья с обожженным концом. Огнем владеют, но используют неэффективно. Моральное состояние — подавлены мощью огнестрельного оружия, но проявляют высокую адаптивность. Задачи на завтра:

Разведка соляных выходов. Попытка обучения простейшим узлам (булинь, штык). Оценка возможности создания долгосрочного хранилища продуктов».

Он посмотрел на дикарей. Они сидели вокруг печи, грея руки о теплые камни. В их глазах отражались блики огня, и в этот момент они казались Егору не просто «объектами», а его единственной связью с человечеством.

Вдруг Седой поднялся. Он подошел к Егору, держа в руках небольшой предмет. Это был зуб смилодона, тщательно очищенный и нанизанный на кожаный шнурок. Старик протянул его инженеру, склонив голову.

Егор замер. Это был не просто подарок. В этой культуре это был знак признания вождя. Или бога.

Он медленно взял амулет. Холодная кость легла на ладонь.

— Спасибо, Седой, — тихо сказал Егор. — Но богом я быть не хочу. Боги долго не живут. Я лучше останусь инженером.

Он надел шнурок на шею, поверх тактической разгрузки. Дикари одобрительно загудели.

Ночь снова начала опускаться на лес, но теперь Егор не чувствовал себя таким одиноким. У него была база, у него был отряд, и у него был план. А для военного инженера план — это уже половина победы.

Где-то внизу, в густой тьме, завыл волк — длинно, протяжно. Егор проверил предохранитель автомата.

— Спице, — бросил он своим подопечным. — Сегодня я в карауле.

Глава 4: Белое золото и ил веков

Рассвет третьего дня встретил Егора плотным, липким туманом, который пришел с реки. Влажность была такой высокой, что мелкие капли осели на металле АК-74М, заставляя инженера первым делом заняться чисткой и смазкой. В этом мире коррозия была таким же смертоносным врагом, как и хищники.

— Ну что, работяги, подъем, — негромко произнес Егор, глядя на копошащихся у печи дикарей.

Седой поднялся первым. Он выглядел лучше: вчерашнее мясо и теплая ночь у камней печи пошли ему на пользу. Он указал на север, в сторону гряды холмов, окутанных туманной дымкой.

— Кхх-арр... Сальт... — повторил он слово, которое Егор вчера вбивал ему в память, сочетая соленый вкус галет с жестами.

Егор сверился с компасом. Путь лежал через низину, которая сейчас напоминала чашу с молоком. С точки зрения тактики — худший вариант. Видимость нулевая, звуки в тумане искажаются. Но ждать, пока солнце разгонит марево, значило терять драгоценные часы прохлады.

Они выдвинулись через сорок минут. Группа шла в том же порядке: Седой впереди как проводник, Крепкий с лапой кошки и копьем, Тень с мешками, и Егор — замыкающим. Баул за спиной ощущался привычным, но тяжелым грузом. Вес распределялся по бедрам, разгрузка плотно прилегала к груди.

Через два часа марша лес начал меняться. Реликтовые сосны уступили место корявым, низкорослым деревьям с цепкими корнями. Почва под ногами стала подозрительно мягкой.

Егор остановился, присел и ткнул ножом в грунт. Сталь ушла в землю на всю длину лезвия без малейшего сопротивления.

— Стоять, — скомандовал он, хотя дикари и так замедлились.

Впереди расстилалась пойма, которую Седой называл кратчайшим путем к «соленой земле». Но для инженера это была классическая верховая топь. Зеркало воды было скрыто под ковром из ярко-зеленого мха и пушицы. С виду — лужайка, на деле — ловушка с отрицательной несущей способностью грунта.

Седой попытался сделать шаг вперед, но Егор перехватил его за плечо.

— Куда прешь? Пропадешь, — Егор поднял тяжелый камень и бросил его на пару метров вперед.

Камень не просто упал. Он с чавкающим звуком мгновенно ушел под мох, оставив после себя лишь несколько пузырьков газа, пахнувшего сероводородом. Седой отпрянул, его глаза округлились. Он жил здесь всю жизнь, но привык доверять чутью. Чутье его подвело, а физика — нет.

— Здесь нужен расчет, — Егор огляделся.

Обойти топь — значит крюк в десять километров по скалам. Пройти — значит построить гать. Но времени на полноценную инженерную дорогу не было.

— Крепкий, Седой! Рубим это, — Егор указал на молодую поросль сухостоя по краям болота. — Нам нужны жерди. Длинные. По пять метров.

Пока дикари своими обновленными рубилами (которые теперь резали дерево куда эффективнее) валили тонкие стволы, Егор достал из баула остатки капронового шнура. Он начал связывать жерди парами, создавая примитивные «лыжи» для рук и ног.

— Слушайте внимательно, — он жестикулировал, обращаясь к Тени и мужчинам. — Площадь опоры. Понимаете? Чем больше площадь, тем меньше давление на грунт. $SP = F/S$. Физика, господа.

Конечно, они не понимали формулу, но они видели, как Егор, привязав к ногам широкие охапки веток и опираясь на две длинные жерди, осторожно ступил на зыбкую поверхность.

Мох прогнулся, захлюпал, но удержал. Егор распределял вес тела между четырьмя точками опоры. Он двигался плавно, как водомерка, прощупывая жердями путь впереди себя.

— За мной! След в след! Опоры не бросать!

Это была мучительная переправа. Каждый шаг давался с трудом, легкие жгло от влажного, тяжелого воздуха. Дикари двигались в панике, Крепкий пару раз едва не сорвался в «окно», но Егор вовремя подставил свою жердь, используя её как рычаг.

— Держись, мать твою! Работай плечом! — рычал инженер.

В этом болоте не было монстров, не было врагов с луками. Была только гравитация и вязкая смерть. И именно здесь Егор начал осознавать: его главная сила — не в автомате. Его сила в том, что он знает, как заставить эту враждебную среду работать по его правилам.

Когда через три часа они, грязные, вонючие и измотанные, выбрались на твердую почву предгорий, Егор первым делом упал на спину, жадно хватая ртом воздух. Сердце колотилось о ребра, как отбойный молоток.

Но отдых был недолгим.

Тень, которая была самой чуткой в группе, внезапно замерла, пригнувшись к земле. Она издала странный, свистящий звук.

Егор мгновенно перекатился на живот, вскидывая АК. Привычка. Снял с предохранителя. Глаза сканировали кусты.

— Что там?

Седой подошел к женщине. Они смотрели на кучу обглоданных костей, лежащих у подножия большой скалы. Это были остатки того самого «оленя», которого они ели вчера. Но кости были расколоты. И расколоты не зубами хищника, а тяжелым камнем. Рядом чернело пятно старого кострища.

Егор подошел ближе. Он присел у золы. Пощупал — холодная. Дня два-три назад.

Рядом с кострищем на песке отчетливо виднелся отпечаток ноги. Человеческой ноги. Но это была не нога его спутников. Слишком широкая стопа, специфический разворот большого пальца.

— Чужаки? — спросил Егор, глядя на Седого.

Старик помрачнел. Он начал быстро и испуганно шептать, указывая на север. Из его жестикологии Егор понял: там живут «Люди Большого Холма». И они не делятся солью. Они убивают любого, кто приближается к их источнику.

Егор проверил магазин. Двадцать семь патронов в этом, еще пять полных в разгрузке.

— Инженерная задача номер два, — прошептал он, чувствуя, как холодный азарт вытесняет усталость. — Как забрать ресурс у превосходящих сил противника, не вступая в затяжной огневой контакт.

Он посмотрел на свои руки. Они были покрыты болотной тиной, но пальцы не дрожали. Егор Попов, военный инженер, понял, что мирный период «обустройства дачи» на скале закончился. Начиналась война за ресурсы.

— Показывай дорогу, Седой. Посмотрим на этих хозяев жизни.

Разведка началась с того, что Егор приказал группе затаиться в густых зарослях папоротника. Воздух здесь был другим — сухим и слегка едким. Это был запах соли, выходящей на поверхность вместе с минеральными источниками.

— Сидеть тихо. Как камни, — прошептал он, прижимая палец к губам.

Он извлек из подсумка монокуляр. Оптика — это еще один «читерский» инструмент, позволяющий видеть на сотни метров там, где глаз дикаря видит лишь размытые пятна зелени. Через линзу перед Егором открылась панорама «Большого Холма».

Это было массивное скальное образование, напоминающее коренной зуб гиганта. В его основании бил ключ, оставляя на камнях белые, искрящиеся на солнце разводы. Соль. Настоящее «белое золото» палеолита.

Вокруг источника Егор насчитал двенадцать хижин, сплетенных из ветвей и обмазанных грязью. — Сорок человек. Минимум пятнадцать боеспособных мужчин, — оценил он, переводя взгляд на периметр.

Как военный инженер, он сразу отметил слабые места их «обороны». Дикари полагались на естественную крутизну склонов, но совершенно не учитывали мертвые зоны под обрывом.

Вооружение: Копья с костяными наконечниками, тяжелые палицы. Луков не видно — видимо, эта технология еще не дошла до этого региона. **Дисциплина:** Хаотичная. Дозорные сидят спиной к лесу, ковыряясь в зубах. **Уязвимость:** Единственный источник воды находится на открытом пространстве.

— Если мы просто выйдем, они нас завалят массой, — размышлял Егор. — Нужно устроить демонстрацию силы, которая не оставит им выбора, кроме как договариваться.

Егор достал из баула пустую металлическую флягу (старую, с трещиной, которую он хранил на всякий случай). В его распоряжении было немного пороха — он мог бы разобрать пару патронов, но это было слишком дорого. Зато у него был магний в огниве и немного сухой серы, которую он нашел на стоянке у реки.

— Сделаем светошумовую имитацию, — решил он.

Он смешал компоненты внутри фляги, добавив туда мелкий речной песок для веса. Плотно забил горловину тряпкой, пропитанной маслом для чистки оружия. Это не была бомба в классическом понимании — она не должна была убивать. Ему нужен был ослепительный белый свет и резкий хлопок.

Они вышли из леса в полдень, когда солнце стояло в зените. Егор шел первым, держа автомат в положении «на ремень», но с пальцем на предохранителе. Седой и Крепкий шли по бокам, их трясло от ужаса, но присутствие «Бога в Зеленем» заставляло их передвигать ноги.

У источника поднялся переполох. Мужчины племени Холма вскочили, хватаясь за оружие. Один из них, огромный дикарь с шрамом через всё лицо, вышел вперед, потрясая палицей. Его рев был полон первобытной агрессии.

Егор остановился в двадцати метрах.

— Слушай сюда, Шрам, — негромко сказал он на русском, зная, что тон важнее слов. — Мне нужна только соль. Если вы дадите нам набрать мешки, мы уйдем. Если нет... физика будет жестокой.

Дикарь не понял. Он замахнулся палицей, готовясь к броску.

Егор не стал стрелять в него. Он выхватил свою «гранату» из фляги, чиркнул зажигалкой по фитилю и мощным броском забросил её в центр их кострища, у которого сидели женщины и дети.

Вспышка. Ослепительный белый свет магния на мгновение превратил полдень в сверхновую. Следом раздался резкий, сухой хлопок — металл фляги лопнул от давления.

Дикари повалились на землю, закрывая глаза руками. Для них это был гнев самого неба. Шрам выронил палицу, его челюсть отвисла, а глаза слезились от яркого пятна, выжженного сетчатку.

В этот момент Егор вскинул АК и дал короткую очередь по массивному валуну над их головами.

Пули выбили из гранита фонтанчики каменной крошки и искр. Звук выстрелов в замкнутом пространстве у скал прозвучал как канонада.

— Теперь вы понимаете? — Егор медленно подошел к Шраму и ткнул горячим стволом автомата ему в грудь. Металл зашипел, касаясь потной кожи. — Соль. Сейчас.

Шрам рухнул на колени. Он не просто сдался — он был сломлен. В его понимании перед ним стоял дух, управляющий молниями и ломающий камни звуком.

Через час группа Егора уходила от Холма. Седой и Крепкий тащили на спинах огромные куски чистой каменной соли, завернутые в шкуры. Тень несла корзину с сушеными ягодами — «подарок» от племени, которое теперь провожало их долгими, полными суеверного страха взглядами.

Егор шел последним. Он чувствовал опустошение.

— Первый контакт прошел успешно, — записал он вечером в блокнот. — Но я создал религию. Теперь я для них — Громовержец. С точки зрения социального инжиниринга — это катастрофа. Но с точки зрения выживания — у нас есть соль и союзники, которые будут снабжать нас едой из страха перед «молниями».

Он посмотрел на свои руки. Они всё еще немного дрожали.

Когда группа вернулась на скалу, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тревожные багровые тона. Усталость свинцом налила ноги, но Егор знал: отдыха не будет. У них было около тридцати килограммов парного мяса смилодона и несколько увесистых кусков каменной соли, добытых у племени Холма. В условиях субтропической влажности и жары у него было всего несколько часов, прежде чем бактерии начнут свой пир, превращая бесценный белок в яд.

— Седой, Крепкий, за мной. Тень — огонь! — скомандовал Егор, сбрасывая баул.

Дикари, воодушевленные победой и «магией» Егора, подчинялись беспрекословно. Для них мясо было святыней, но они привыкли либо съесть его сразу до колик в животе, либо бросать, когда оно начинало пахнуть смертью. Понятия «длительное хранение» в их лексиконе не существовало.

Шаг 1: Подготовка субстрата

Егор достал свой нож. Сталь D2 требовала правки после свежевания, но времени на камни не было. Он сделал несколько быстрых движений мусатом из ремкомплекта.

— Слушайте и запоминайте, — Егор указал на тушу. — Бактериям нужна вода. Нет воды — нет гниения. Это закон.

Он начал пластовать мясо. Как инженер, он понимал важность площади поверхности. Он не просто резал куски — он превращал их в длинные, тонкие ленты толщиной не более одного сантиметра.

— Диффузия, — прошептал он сам себе. — Чем тоньше кусок, тем быстрее соль проникнет к центру и тем быстрее уйдет влага.

Крепкий и Седой пытались повторять его движения своими каменными ножами, которые Егор заточил утром. Получалось грубее, но принцип они уловили. Гора мясных «лент» росла на чистой шкуре.

Шаг 2: Работа с реагентом

Теперь пришла очередь соли. Добытые куски были твердыми, как гранит, и загрязнены примесями глины.

— Нам нужен порошок, — Егор взял два плоских речных камня. Один — массивный, в качестве наковальни, другой — округлый, как кувалда.

Он начал дробить соль. Каменный грохот разносился по плато. Егор работал методично, превращая серые кристаллы в мелкую крошку. Он намеренно не очищал соль до белизны — примеси калия и магния в неочищенной каменной соли могли сработать как дополнительные консерванты.

— Тень, сюда! — он подозвал женщину. — Бери кусок, втирай соль. Не просто посыпай, а втирай в волокна. С силой.

Он показал процесс: он буквально впрессовывал соль в мясные ленты, разрушая структуру капилляров, чтобы вызвать немедленный выход межклеточной жидкости. Это был про-

цесс осмоса в его чистом, первобытном виде. Мясо на глазах начало темнеть и «плакать» — из него выходила сукровица, замещаясь соляным раствором.

Шаг 3: Модернизация «Печи Инженера»

Просто посолить было мало. В такой влажности мясо могло «задохнуться». Нужна была дегидратация.

Егор подошел к своей печи из гранитных плит.

— Теперь превратим это в коптильню холодного цикла, — решил он.

Он приказал Крепкому принести охапку зеленых веток орешника и можжевельника. Сухие дрова давали жар, а сырые ветки — плотный, консервирующий дым, богатый фенолами и альдегидами. Эти вещества создают на поверхности мяса защитную пленку, сквозь которую не проберется ни одна личинка мухи.

Егор соорудил над печью каркас из жердей, напоминающий конус. Сверху он накрыл его остатками шкуры смилодона, оставив в куполе небольшое отверстие для тяги.

— Расчет конвекции, — Егор подставил руку под струю теплого воздуха. — Градусов сорок пять. Идеально. Мясо не сварится, но влага будет уходить стабильно.

Он начал развешивать соленые ленты внутри конуса. Дикари смотрели на это с суеврым ужасом — в их понимании портить хорошее мясо солью и прятать его в дым было безумием. Но авторитет Егора был непререкаем.

Шаг 4: Биохимический барьер

Когда коптильня была заполнена, Егор достал из баула свой последний секретный ингредиент — небольшую баночку с черным перцем. Это было излишество, но инженер знал: капсаицин и эфирные масла перца — отличные репелленты для насекомых.

Он смешал остатки соли с перцем и обсыпал края шкуры-кокона.

— Инженерная защита периметра, — усмехнулся он. — Химическая война против насекомых.

Через час из коптильни потянуло густым, ароматным дымом. Запах был настолько аппетитным, что у Крепкого потекла слюна, и он непроизвольно сделал шаг к печи.

— Не трогать! — Егор преградил ему путь рукой. — Это еда для долгого пути. Если съедем сейчас — завтра подохнем от голода. Понял?

Дикарь кивнул, хотя в его глазах всё еще читалось непонимание. Для него завтрашнего дня не существовало — была только вечная «сейчас».

Егор сел у края обрыва, глядя на то, как дым из его импровизированной коптильни уходит в ночное небо. В блокноте появилась новая запись:

«Объект: Система пищевой безопасности. Технология: Сухой посол с последующим холодным копчением. Прогноз: При текущей влажности и температуре 40-50°C в камере, полная ферментация и сушка займет около 36 часов. На выходе получим "джерки" палеолитического образца. Срок хранения увеличивается с 12 часов до 3-4 месяцев при условии сухого хранения. Эффективность: Группа из 4 человек обеспечена высококалорийным рационом на 15 дней активного марша».

Он закрыл блокнот и посмотрел на дикарей. Те уснули прямо у подножия коптильни, согретые теплом гранитных плит. Егор чувствовал себя странно. Он был здесь всего несколько дней, но его инженерный мозг уже начал перестраивать этот мир. Соль, печь, гать через болото...

— Это только начало, — прошептал он, проверяя АК. — Если мы переживем эту неделю, я научу их обжигать кирпич. А там и до металлургии недалеко.

На горизонте вспыхнула зарница, осветив на мгновение верхушки деревьев. Лес казался бесконечным морем зелени, скрывающим тысячи опасностей, но теперь у Егора был не только автомат. У него был запас провизии, а значит — время. А время — это единственный ресурс, который позволяет инженеру превратить хаос в систему.

— Глава четвертая окончена, Егор. Ты выжил. Ты победил. Но завтра тебе придется учить их не только бояться, но и строить. Потому что страх проходит, а голод — вечен.

Глава 5: Генеральный план неолита

Запах копченого мяса, пропитавший скалу, стал для Егора сигналом: пора двигаться дальше. Укрепленный пост был отличным временным убежищем, но для создания чего-то большего — настоящего дома и базы — требовались другие условия. Ему была нужна глина для кирпича, строевой лес для крыш и, самое главное, земля, которая сможет прокормить людей не только охотой.

Выбор места: Инженерный взгляд

Утром, распределив груз, группа двинулась вдоль берега. Егор шел последним, внимательно изучая ландшафт. Он искал не просто красивый вид, а тактическое преимущество.

Идеальное место обнаружилось к полудню. Река здесь делала крутую петлю, практически возвращаясь к собственному руслу. Получался естественный полуостров, окруженный с трех сторон крутыми берегами и быстрой водой. С суши его соединял лишь узкий перешеек.

— Смотрите, — Егор указал Седому на изгиб реки. — Вода защищает нас лучше любых стен. Нам останется перекрыть только этот проход, и мы в безопасности.

Место было идеальным не только для обороны. Почва на полуострове была мягкой и темной — за тысячи лет река нанесла сюда плодородный ил. В нескольких сотнях метров Егор заметил обнажения красной глины, а на противоположном берегу темнел сосновый бор. Все ресурсы для стройки были под рукой.

Проектирование в пыли

Пока дикари обустроивали временный лагерь, Егор взял ровную ветку и начал чертить на песке. Для него этот полуостров уже перестал быть просто куском земли. Он видел его как чертеж, где каждая линия имела свое назначение.

— Здесь, в самом центре, будет главное здание, — объяснял он спутникам, рисуя прямоугольник. — Каменные стены, глубокий фундамент. Это наше сердце. Здесь будет склад еды и инструментов.

Он разделил территорию на зоны. Мастерские и печи он вынес к самому краю берега, чтобы дым от костров уходил над водой, не отравляя воздух в жилой зоне. Поля для будущих посадок он разместил там, где земля была самой влажной.

— А вот здесь мы прокопаем каналы, — Егор провел линию от реки к центру полуострова. — Мы заставим воду течь туда, куда нам нужно. Больше не придется носить ее в шкурах от берега.

От слов к делу

Дикари смотрели на рисунки с недоумением, но когда Егор достал катушку капроновой нити и начал вбивать колышки, размечая ровные углы будущих строений, они включились в работу. Для них это было похоже на странный ритуал, но в этом ритуале был порядок, который успокаивал.

Седой помогал выставлять вехи, Крепкий начал копать первую пробную яму, чтобы проверить, насколько глубоко уходит глина, а Тень собирала плоские камни для основания печи.

Главной проблемой оставались инструменты. Одной саперной лопатки Егора на всех не хватало.

— Будем импровизировать, — решил инженер. — Нам нужны деревянные лопаты. Обпалим края на огне, чтобы дерево стало твердым, как кость. И корзины. Тень, нам нужны большие корзины с лямками, чтобы носить землю на плечах, а не в руках. Так мы сделаем вдвое больше за тот же день.

Рождение порядка

К вечеру на перешейке уже четко угадывались контуры будущего рва. Егор стоял на краю высокого берега, глядя на то, как заходит солнце. В его голове полуостров уже перестал быть

диким лесом. Он видел частокол, крепкие дома с покатыми крышами и ровные борозды каналов.

— Знаешь, Седой, — сказал он старику, который присел рядом. — Раньше вы просто жили в этом лесу. Теперь мы будем им управлять. Мы построим место, где огонь не гаснет, а стены не боятся когтей.

Старик осторожно потрогал натянутую Егором нитку разметки и тихо кивнул. Он еще не понимал, что такое «город», но он чувствовал, что хаос их кочевой жизни начинает превращаться в нечто прочное и вечное.

Первый колышек цивилизации был вбит. Стройка началась.

Когда первая сотня сырых саманных блоков ровными рядами легла на песчаную подложку, солнце уже начало клониться к лесу. Егор вытер грязный лоб тыльной стороной ладони. Спина ныла от непривычной работы в наклон, но внутренний перфекционист ликовал: блоки получились на удивление аккуратными.

Но эйфория от первого производственного успеха быстро уступила место холодному расчету.

Сотня кирпичей — это даже не стена одной хижины. Это жалкий огрызок фундамента. Чтобы застроить «Стрелку», потребуются тысячи таких блоков. А значит, махать деревянной формой придется неделями.

Егор присел на прогретый валун, достал флягу с фильтрованной водой и сделал глоток. Дикари повалились на траву прямо там, где стояли, тяжело дыша. Крепкий рассматривал свои ладони, покрытые подсыхающей красной коркой, с каким-то новым, почти осмысленным уважением.

— Так дело не пойдет, — вслух произнес Егор, глядя на размеченные колышками контуры будущего поселения. — Мы упремся в потолок производительности. Нужна оптимизация.

Как человек, привыкший мыслить категориями крупных объектов, он понимал: главная проблема не в лепке кирпича, а в логистике. Крепкий таскал глину от обрыва кусками, Тень носила траву охапками. Это колоссальная потеря времени и энергии. Им нужен конвейер.

Арсенальный подход

Егор поднялся и снова обошел территорию, ограниченную будущим рвом. Взгляд инженера цеплялся за детали, которых не замечал обычный человек.

В своей прошлой жизни он занимался защитой арсеналов с боеприпасами. Он знал, как быстро распространяется огонь, если нарушены нормы пожарной безопасности. Здесь, в каменном веке, строительным материалом будут дерево, сухая трава в самане и камыш на крышах. По сути, он собирался построить гигантский пороховой погреб, где любая искра от очага могла превратить поселение в крематорий.

— Седой! — позвал он старика и указал на колышки, обозначающие центр. — Здесь будут дома. Но мы не будем лепить их друг к другу.

Егор вытащил нож и начал чертить на земле прямо поверх старой разметки. Он безжалостно раздвигал границы будущих строений.

— Противопожарные разрывы. Запоминай. Дистанция между стенами должна быть такой, чтобы лучистое тепло от горящей крыши не подожгло соседнюю. Минимум десять шагов. Улицы делаем широкими. И здесь, — он с силой вогнал палку в центр чертежа, — мы выкопаем искусственный резервуар. Водоем. Запас воды прямо внутри периметра. На случай осады и на случай пожара.

Старик смотрел на чертеж, моргая воспаленными глазами. Он не понимал концепции лучистого тепла, но он отлично понимал, что такое лесной пожар, от которого племя не раз спасалось бегством. Уверенность Егора, его строгий, лишенный суеты голос действовали гипнотически.

Угроза с неба

Внезапно ветер сменил направление. Если весь день он тянул с юга, принося влажную жару, то теперь с реки дохнуло резким, колючим холодом. Запахло озоном и потревоженной пылью.

Егор резко поднял голову. Над лесом, стремительно пожирая синеву неба, нависла иссиня-черная туча. В её чреве глухо, как в пустом ангаре, перекачивался гром.

— Твою мать... — выдохнул инженер.

Его мозг мгновенно просчитал последствия. Сто идеальных саманных кирпичей лежат на открытой площадке. Они еще сырые. Десять минут хорошего тропического ливня, и вся их дневная работа превратится обратно в бесформенную кучу красной грязи.

Ситуация требовала не стрельбы, а молниеносного управленческого решения. Оружие здесь было бесполезно.

— Подъем! Все на ноги! — рывкнул Егор так, что Крепкий подскочил, схватившись за свое копьё. — Бросай палку! Бегом к деревьям! Тень, Седой, за мной!

Он бросился к краю леса, где росли гигантские папоротники с листьями шириной в человеческий рост.

— Рубите их! Под корень! Самые большие! — Егор на ходу выхватил малую пехотную лопатку и с одного удара снес толстый, водянистый стебель.

Дикари, подчиняясь его панике, которая была холодной и направленной, бросились ломать листья.

— Несите к кирпичам! Быстро!

Первые тяжелые капли ударили по сухой земле, оставляя темные кратеры размером с монету. Егор добежал до площадки и воткнул лопатку в землю под углом.

— Накрывайте! Делайте крышу, внахлест! Как чешую!

Они работали как безумные. Егор укладывал широкие листья папоротника прямо поверх сырых блоков, прижимая края камнями и комьями земли, чтобы ветер не сорвал импровизированный навес. Крепкий, рыча от натуги, приволок огромную охапку ветвей с широкой листвой.

Дождь обрушился стеной. Это был не современный морозящий дождик, а первобытный потоп, когда вода падает сплошным водопадом, мгновенно превращая почву в скользкое месиво.

Егор, промокший до нитки за секунду, ползал на коленях в грязи, закрепляя последний лист над крайним рядом кирпичей. Вода заливала глаза, тактические очки пришлось сдвинуть на лоб.

Когда навес был закончен, они забились под нависающий каменный козырек у реки. Дикари дрожали от холода, прижимаясь друг к другу. Егор стоял, тяжело опираясь на лопатку, и смотрел на площадку. Вода бурлящими потоками стекала по зеленым листьям папоротника, обходя заботливо укрытые блоки самана.

Они спасли партию.

Крепкий посмотрел на зеленую «крышу», под которой спрятались кирпичи, потом перевел взгляд на Егора. Парень вдруг усмехнулся, обнажив крепкие зубы, и уважительно ударил себя кулаком в грудь. Это была не покорность. Это было признание командира, который способен перехитрить даже небо.

Егор откинул мокрые волосы со лба. Огневой мощи у него было на пару минут боя, но теперь он окончательно понял: его главный калибр — это способность анализировать, предвидеть и организовывать процесс.

— Отличная работа, бригада, — тихо сказал он, глядя на бушующую стихию. — Завтра мы начнем копать ров. Потому что если вода может смыть наш труд, то и направить её в нужное русло нам тоже по силам.

Глава 6: Огонь и Лед

Дождь, едва не погубивший первую партию кирпичей, ушел так же внезапно, как и начался, оставив после себя парящую землю и ослепительно чистое небо. Для Егора это был знак: природа дала им передышку, и использовать ее нужно было с максимальным КПД.

— Ров — это не просто яма, — объяснял он Крепкому, вбивая колышки по линии перешейка. — Это наш главный оборонительный рубеж. Он должен быть таким, чтобы зверь не перепрыгнул, а человек не перелез без лестницы.

Он наметил профиль: три метра в ширину поверху, полтора — внизу, и глубина не менее двух с половиной метров. Стенки должны были иметь определенный уклон — «угол естественного откоса», чтобы грунт не обвалился после первого же ливня.

Непредвиденное препятствие

Работа закипела. Крепкий и Седой, вооруженные тяжелыми деревянными заступами с обожженными краями, начали вскрывать дерн. Егор шел впереди, подрезая корни лопаткой. Первый метр ушел легко — мягкий ил и глина поддавались без боя.

Но на глубине ста двадцати сантиметров лопата Егора со звонким, металлическим «дзынь» ударилась обо что-то монолитное.

— Приплыли, — выдохнул он, опускаясь на колени.

Он начал быстро расчищать руками дно траншеи. Сердце инженера неприятно екнуло. Под слоем мягкой почвы скрывалась сплошная гранитная плита — отрог той самой гряды, на которой они ночевали раньше. Плита шла поперек всего перешейка, перерезая ров, как стальной пояс.

Седой подошел к краю ямы, постучал своей дубиной по камню и горестно покачал головой. В его мире камень был окончательным вердиктом. Если гора не хотела пускать — люди уходили.

— Кхх-арр... Стена, — коротко бросил старик, предлагая жестом бросить работу и перенести ров в другое место.

Физика против гранита

Егор поднялся, вытирая руки о штаны. Переносить ров было нельзя — это нарушило бы всю геометрию обороны и открыло бы «слепую зону» для хищников.

— Нет, Седой. Мы не будем обходить. Мы пройдем насквозь.

Он вспомнил курс строительной механики и истории инженерных войск. В эпоху, когда не было динамита, инженеры использовали самое простое и мощное оружие — тепловое расширение.

— Нам нужно дерево! Много сухого дерева! — Егор указал на лес. — Тащите всё, что горит. И камни. Большие, черные валуны с берега.

Дикари, не понимая замысла, но подчиняясь его бешеной энергии, начали стаскивать дрова прямо в ров, на поверхность гранитной плиты. Егор лично укладывал костер, создавая «эффект горна» — плотную кладку с хорошей тягой в центре.

Через час над перешейком взметнулось яростное пламя. Егор поддерживал огонь три часа, пока гранит не раскалился до такой степени, что воздух над ним начал дрожать от жара, а сам камень приобрел багрово-серый оттенок.

— А теперь — самое главное, — Егор взял два кожаных мешка, наполненных ледяной водой из реки. — Крепкий, Седой — отойдите назад! Дальше!

Он дождался, пока пламя немного опадет, обнажив раскаленную поверхность плиты. Сделав глубокий вдох, Егор рванулся вперед и одним резким движением выплеснул всю воду прямо в центр жара.

Ш-ш-ш-ш-БАБАХ!

Облако перегретого пара мгновенно окутало траншею, скрыв Егора из виду. Раздался резкий, сухой треск, похожий на выстрел из винтовки. Это был звук победы физики над материей. Резкий температурный скачок создал в камне колоссальные внутренние напряжения, с которыми кристаллическая решетка гранита не смогла совладать.

Триумф разума

Когда пар рассеялся, дикари робко подошли к краю. Там, где раньше была монолитная плита, теперь зияли глубокие, рваные трещины. Камень буквально разорвало изнутри.

Егор спрыгнул вниз и с помощью лома, сделанного из крепкого сука, начал легко выламывать целые пласты расколотой породы. Гранит крошился, как пересохшее печенье.

— Налетай, — выдохнул он, отбрасывая в сторону первый обломок весом в десять килограммов. — Камень сдался.

Крепкий посмотрел на дымящиеся обломки, потом на Егора. В глазах парня застыл вопрос: как человек может ломать горы без магии, просто используя воду и огонь? Но Егор лишь похлопал его по плечу.

— Это не чудо, парень. Это закон природы. Если ты знаешь, как устроены вещи, ты можешь ими управлять.

К вечеру ров был углублен еще на полметра. Расколотый гранит не выбрасывали — Егор приказал складывать его с внутренней стороны рва.

— Мы не просто копаем яму, — пояснял он, укладывая камни в ровную линию. — Мы одновременно строим основание для вала. Земля из ямы пойдет на насыпь, а камень — на облицовку. Это называется «баланс земляных масс». Ничего не должно пропадать зря.

Он стоял в траншее, по локоть в саже и каменной пыли, но на его губах играла жесткая, уверенная улыбка. Первый серьезный кризис стройки был преодолен. Инженерная мысль оказалась тверже гранита.

Ночью, засыпая под охраной Крепкого, Егор думал о том, что завтра им понадобится еще больше рук. Ров был слишком длинным для двоих мужчин. Ему нужны были люди. А люди были там — у Большого Холма. И они всё еще боялись его «грома».

Трещины в граните стали не только инженерной победой, но и уроком: гора может сдаться, если знать её слабые места. Однако, глядя на тридцать метров размеченного перешейка, Егор понимал — втроем они будут копать этот ров до наступления ледника.

— Нам нужны рабочие руки, — произнес он, глядя на измотанного Крепкого, чьи ладони, несмотря на мозоли, начали кровоточить от тяжелого заступа. — Инженер без бригады — это просто мечтатель с лопатой.

Он вспомнил племя Большого Холма. Сорок человек, из которых минимум полтора десятка — здоровые мужчины и женщины, привыкшие к тяжелому физическому труду. После «демонстрации грома» они считали его божеством. Пришло время превратить этот суеверный страх в экономический ресурс.

Дипломатия силы и выгоды

Егор взял с собой Крепкого. Он приказал ему надеть на шею амулет из зуба смилодона и взять самый большой мешок с копченым мясом. Сам Егор проверил АК, сменил магазин на полный и закрепил нож на бедре так, чтобы его можно было выхватить одним движением.

Они подошли к Холму в сумерках. Страх — плохой фундамент для долгой работы, поэтому Егор решил сменить тактику.

Шрам и его соплеменники вышли навстречу, преклоняя колени, но Егор жестом заставил их подняться. Он подошел к Шраму, открыл мешок и вытащил кусок золотисто-коричневого, ароматного копченого мяса.

— Это не магия. Это работа, — сказал он, протягивая кусок вождю. — Ешь.

Дикарь осторожно откусил. Его глаза округлились. Соль, дым и правильная сушка сделали вкус мяса невероятным для человека, привыкшего к сырому или обгоревшему на костре белку.

Егор начал жестикулировать. Он указывал на солнце, потом на свои руки, имитируя копанье земли, а затем — на мешок с мясом.

— Вы. Идете. Со мной. — Он провел черту в воздухе. — Работаете — едите это. И спите там, где огонь никогда не гаснет. Не работаете — сидите здесь и ждете, пока за вами придут кошки.

Шрам посмотрел на своих людей. Они были истощены, напуганы и голодны. Предложение «Громовержца» звучало как сделка с самой судьбой. Вождь Холма медленно кивнул и взял палицу, но не как оружие, а как символ того, что он ведет свой отряд вслед за Инженером.

Формирование строительного батальона

На следующее утро «Стрелка» преобразилась. Вместо тихой стоянки здесь возник муравейник.

Егор сразу разделил людей на специализированные группы — интуитивно применяя принципы разделения труда:

Группа «Карьер»:

Пятеро самых сильных мужчин под присмотром Крепкого продолжали долбить гранит методом «огонь-вода». Егор лично следил за температурой костров, не давая дикарям подходить слишком близко во время облива водой.

Группа «Транспорт»:

Женщины и подростки с плетеными корзинами (которым Тень обучила их по приказу Егора) перетаскивали выработанный грунт на внутреннюю сторону рва, формируя насыпь.

Группа «Заготовка»:

Старики под началом Седого собирали валежник и рубили молодую поросль для укрепления склонов.

Егор ходил между группами, корректируя углы откосов и проверяя глубину.

— Не просто кидайте землю! — прикрикнул он, когда заметил, что насыпь получается рыхлой. — Трамбуйте! Слой земли — проход ногами. Слой камня — пролив водой. Нам нужен монолит, а не куча песка!

Оптимизация инструмента

К полудню он заметил, что деревянные лопаты тупятся о расколотый гранит каждые десять минут. Нужно было что-то тверже дерева, но доступнее стали.

Егор вспомнил о рогах оленей и костях крупных животных, которые валялись в лагере Холма. Он приказал принести их. Используя обрывки строп и армированный скотч (который он расходовал крайне экономно, только для критических узлов), он прикрепил заостренные куски оленьего рога к длинным рукояткам.

— Получайте кайло, — Егор вручил первый инструмент Шраму. — Рог тверже дерева, он не щепится. Бей под углом, в трещину.

Производительность труда выросла вдвое. Дикари работали с неистовой силой — страх перед Егором смешался с азартом созидания. Они видели, как бесформенный берег превращается в четкую, ровную линию укреплений.

Первые плоды иерархии

К вечеру перешеек был перекопан на треть. Высокая насыпь уже начала закрывать обзор на лагерь со стороны леса.

Егор сидел на верхушке строящегося вала, записывая в блокнот: «День шестой. Мобилизация прошла успешно. Привлечено 12 единиц рабочей силы. Внедрена система оплаты труда (рацион копченого мяса). Сформирована первая производственная цепочка. Ров углублен на

целевые показатели. Риск: Социальное напряжение между племенами. Решение: Общая задача и строгий распорядок. Работа — лучший дисциплинатор».

Он посмотрел на людей внизу. Они сидели у большой печи, которую Егор приказал расширить, чтобы накормить всех. Тень раздавала порции, и в лагере царила непривычная для этого мира тишина — тишина сытых и занятых делом людей.

Егор потрогал рукоять автомата. Он всё ещё был здесь чужаком, пришельцем из будущего, но теперь за его спиной стояла не только мощь пороха, но и организованная сила людей, которые поверили, что камень можно победить, а голод — приручить.

— Глава шестая закрыта, — прошептал он. — Завтра мы начнем ставить ворота.

Глава 7: Магия чисел и первый эталон

Утро началось не с работы, а с «планерки». Егор усадил Шрама и Крепкого на бревна возле костра. Перед ними он разровнял площадку с влажным песком.

— Слушайте внимательно. Чтобы стены были ровными, а ров — глубоким, нам нужно одно и то же мерило, — Егор достал свою малую пехотную лопатку. — Вот это — один. Понимаете? Один предмет.

Он нарисовал на песке вертикальную черту. Шрам кивнул, для него «один» было понятным концептом. Но когда Егор положил лопатку дважды и нарисовал две черты, в глазах дикаря отразилось напряжение. Для людей палеолита существовало «один», «два» и «много». Всё, что больше трех, уходило в область абстрактного хаоса.

Урок первый: Десятичная система

Егор понял, что абстрактные цифры сейчас не сработают. Он позвал Крепкого и заставил его вытянуть руки.

— Пальцы. Один, два, три... — Егор загибал пальцы парня один за другим. — Десять. Это «одна полная рука».

Он нарисовал на песке круг.

— Десять — это круг. Если я говорю «два круга», значит, это два раза по всем пальцам.

Шрам прищурился. Он начал пересчитывать свои пальцы, шевеля губами. В его голове рождалась первая в истории этого мира математическая структура. Число перестало быть «кучей чего-то», оно стало суммой конкретных единиц.

Урок второй: Создание «Великой Палки»

Для инженера точность — это жизнь. Егор выбрал ровную ветку твердого дуба, очистил её от коры и тщательно обстрогал ножом.

— Это будет наш эталон, — произнес он.

Он приложил свою лопатку к палке и сделал глубокую зарубку. Потом еще одну. И еще. Всего десять зарубок.

— Шрам, смотри. Ров должен быть глубиной в две такие палки. Стенка дома — в три палки. Понимаешь? Не «глубоко», не «высоко», а именно столько раз.

Он вручил палку-мерку Шраму. Тот принял её с таким трепетом, словно это был магический жезл, дарующий власть над пространством. И в чем-то он был прав. Обладание стандартом измерения давало власть над материей.

Практика: Разметка без «Громовержца»

Егор отвел их к недостроенному участку рва.

— Крепкий, бери палку. Проверь глубину. Если палка уходит два раза и скрывается — хватит. Если нет — копай.

Парень спрыгнул в ров. Он приложил палку к стенке, отметил пальцем верхний край, передвинул палку выше... Его лицо светилось от восторга открытия. Он сам, без подсказки «Бога», понял, что ему осталось копать еще на две ладони.

— Система заработала, — Егор облегченно выдохнул. — Теперь они не просто исполнители. Они — операторы процесса.

Геометрия обороны

Но числа были только половиной дела. Второй половиной была форма. Дикари упорно пытались строить кругами — так, как они привыкли видеть в природе. Но для эффективной обороны и стыковки кирпичных стен Егору нужны были прямые углы.

Он взял три капроновых шнура. Один длиной в три «палки», второй — в четыре, третий — в пять. Связал их концы.

— Смотрите, — он натянул шнуры на земле, формируя треугольник. — Если эти стороны сойдутся так, то этот угол будет «правильным».

Егор приложил кирпич к углу треугольника — он вошел идеально. Пифагор еще не родился, но его теорема уже начала работать на благо первой крепости человечества.

— Прямой угол позволяет нам строить бесконечно длинные стены, которые не завалятся внутрь, — объяснял Егор, хотя видел, что на этом моменте мозг Шрама начал «перегреваться». — Просто делайте так, как показывает этот треугольник из веревок.

Итоги дня

К вечеру Егор с удовлетворением наблюдал невероятную картину: Шрам, вождь племени Холма, ходил вдоль насыпи с мерной палкой и важно проверял работу своих людей. Если палка показывала «недобор», он сурово указывал пальцем на ошибку, и рабочие, ворча, принимались за дело.

Егор сел у костра и открыл блокнот.

«Объект: Система управления персоналом. Внедрено: Десятичная система счета, линейный стандарт измерения, метод египетского треугольника для прямых углов. Результат: Рост автономности бригад на 40%. Снижение брака при рытье рва на 70%. Комментарий: Когнитивная революция идет быстрее, чем я ожидал. Они жаждут порядка. Порядок дает им чувство контроля над миром, который раньше был для них лишь источником ужаса».

Он посмотрел на Шрама, который теперь бережно обтирал мерную палку жиром, чтобы дерево не рассохлось. Для дикаря это был символ новой эры. Эры, где всё можно измерить, а значит — предсказать.

— Глава седьмая. Часть первая окончена, — прошептал Егор. — Мы создали язык чисел. Теперь пора создавать механизмы.

Ров был почти готов, но теперь перед Егором встала новая задача. Насыпь с внутренней стороны перешейка выросла выше человеческого роста. Теперь, чтобы укрепить её расколотым гранитом и тяжелыми саманными блоками, людям приходилось карабкаться по крутому склону, надрывая спины и рискуя скатиться вниз вместе с грузом.

Производительность резко упала. Крепкий, чей энтузиазм обычно не знал границ, теперь тяжело дышал, прижимая к груди увесистый камень, и каждый шаг по рыхлой земле давался ему с трудом.

— Хватит геройствовать, — Егор остановил парня, когда тот едва не выронил валун себе на ноги. — Инженерия — это когда за тебя работает гравитация и дерево, а не твои сухожилия.

Урок физики: Закон рычага

Егор приказал принести самое длинное и прямое бревно из тех, что Седой заготовил для частокола. Оно было тяжелым, из плотной лиственницы, длиной метров пять.

— Шрам, смотри сюда. Видишь этот камень? — Егор указал на гранитную глыбу весом под центнер, которую они откололи утром. — Попробуй поднять его.

Вождь Холма подошел, обхватил камень мощными руками, напрягся так, что на шее вздулись вены, и с трудом оторвал его от земли на пару сантиметров. С рыком он бросил его обратно.

— Тяжело? — Егор усмехнулся. — А теперь смотри магию мертвых палок.

Он нашел крепкую развилку в земле — естественную опору — и уложил в неё бревно так, чтобы один конец был коротким, а другой — длинным. Под короткий конец он подвел рычаг, зацепив край камня.

— Тень, иди сюда, — позвал он женщину.

Дикари замерли. Тень была вдвое меньше Шрама. Егор указал ей на длинный конец бревна.

— Надави. Просто навались всем весом.

Тень осторожно схватилась за дерево и потянула его вниз. С тихим скрипом бревно пода-лось, и огромный валун, который только что едва не надорвал вождя, плавно поднялся в воз-дух. Шрам отпрянул, Крепкий выронил свою лопату.

— Это не магия, — Егор провел рукой по бревну. — Это рычаг. Чем длиннее палка, тем меньше силы нужно приложить. Выигрываешь в расстоянии — проигрываешь в силе. Но силы у нас мало, а палок в лесу — завались.

Строительство «Журавля»

Простой рычаг был хорош, но Егору нужно было поднимать грузы на высоту трех метров. Ему требовался «журавль» — первый в истории кран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.